

18+

Сергей Пилатов

СЕРЁГА

Или... мальчик, юноша, мужчина
в последние годы советской эпохи

Книга вторая



ЛЕНИНГРАД



ДИПЛОМ

II
степень

гражданин

Сергей Пилатов
г. Ленинград
в связи с окончанием
школы по специальности: педагогика, искусство
культуры

Сергей Пилатов
**Серёга. Или... мальчик, юноша,
мужчина в последние годы
советской эпохи. Книга вторая**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70429066
ISBN 9785006250130*

Аннотация

Данная книга «Серёга» является частью гексалогии о мальчике, который родился в конце пятидесятих годов прошлого века в СССР, дожил до начала 1990-х, когда СССР не стало, и живёт до сих пор, пройдя через все смутные и непростые времена. Во второй книге говорится о том, как мальчик превращается в мужчину и пытается реализовать себя и свои мечты о безбедной жизни, власти, попадая в самые разные интересные истории.

Содержание

Часть первая.	7
Школьное дружеское наследие	7
Авторитеты	11
Однокурсники и друзья	26
Коля из Таллина	38
Николай	43
Алексей из Бриндакита	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Серёга

Или... мальчик, юноша, мужчина в последние годы советской эпохи. Книга вторая

Сергей Пилатов

*Благодарю за помощь в создании «Серёга» (Книга
вторая):*

*Пилатову Ольгу Ивановну
Пилатову Наталью Сергеевну
Кангур Марину Анатольевну
Пискарёва Сергея Львовича*

*Особая благодарность за восстановление
исторической памяти — заслуженному
артисту России, выпускнику ЛГИК
им. Н. К. Крупской Поздееву Николаю Юрьевичу*

Редактор Ольга Ивановна Пилатова

ISBN 978-5-0062-5013-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0060-8777-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Невысокого роста, худенький, безусый, с классической угревой сыпью школьника, семнадцатилетний мальчик пошёл учиться на режиссёра народного театра.

Так получилось, что ему, несмотря на троечный аттестат о среднем образовании и юный возраст, удалось поступить в знаменитый Ленинградский государственный Ордена Дружбы народов институт культуры имени Надежды Константиновны Крупской. Неожиданно он оказался в кругу взрослых однокурсников, авторитетных, мудрых преподавателей и талантливых творческих педагогов, не имея ни малейшего представления о режиссёрской профессии и будучи весьма посредственным артистом.

Удастся ли ему пройти через испытание творчеством, сдавать экзамены по непонятным предметам авторитетным преподавателям, найти контакт с гораздо более талантливыми однокурсниками?

Четыре года жизни. Что это?

Об этом – в первой части «В поисках друзей, подруг и авторитетов».

И вторая жизнь. Постоянные поиски своего «я» при от-

сутствии очевидных талантов, желание стать независимым и зарождающаяся любовь к саморегулированию, которое в то время называлось самоуправлением, стремление иметь собственные заработанные деньги, растущая самоуверенность и постоянно совершаемые глупые и необдуманные поступки.

Об этом – во второй части «В поисках денег, власти и приключений».

И наконец, сорок пять лет спустя. Стоит ли возвращаться в прошлое? Стоит ли вспоминать лучшее, что было в прошлом? И что такое память и благодарность? Об этом вся книга, но реальное возвращение в прошлое – в третьей части «Иногда они (оно) возвращаются».

Часть первая.

В поисках друзей, подруг и авторитетов

Школьное дружеское наследие

«Мне, по большому счёту, наплевать, какими вы выйдете отсюда „актёрами“ и „режиссёрами“. Главное, чтобы вы ушли от нас Порядочными Людьми!..»

Г. А. Кустов, режиссёр-педагог

Что такое дружба? Это когда друг с другом делишься самым сокровенным, то есть всем? Или это тогда, когда мысли, цели, интересы друг с другом совпадают? Или когда тебе с ним (типа другом) комфортно? Или просто – «с другом вышел в путь» и «веселей дорога»? Серёга особо и не стремился к поиску друзей в школе. Не считать же таковым соседа Женю, потому что тот был единственным в классе ниже его ростом и жил рядом? Нормальные отношения, не более. Часто Серёга общался и со своим тёзкой из соседнего подъезда, которого можно было назвать творческим партнёром, так

как сочиняли с ним дворовые песенки. Но представить себе, что он мог с ним делиться сокровенным, было невозможно. Частью сокровенного он делился со своим старшим братом, в том числе и своим творчеством, а всем остальным – со своим младшим братом, потому что тот был маленький и ничего не понимал.

Скорее всего, дружеские отношения у него были с некоторыми преподавателями, такими как учитель химии Тамара Трофимовна Дьячук, с которой он разъезжал, выступая со стихами Маяковского в разных местах и в перерывах расуждая с ней о жизни.

Именно поэтому после школы Серёга никогда не встречался со своими одноклассниками и не знает, а встречались ли они без него. Нельзя сказать, что желания «поностальгировать» у него не было. Может, и было. Но какое-то очень слабое. О чём говорить при встрече? Как, кто, куда устроился? Есть ли семья, и кто в ней состоит? Есть ли дети, и как они поживают? Всё это казалось Серёге фальшивым, а значит, зачем себя насиловать. Можно честно признать, что школьных друзей у него не было.

В Театре юношеского творчества Серёга не успел обзавестись друзьями, хотя ему там было хорошо и уютно, так как все кругом были единомышленниками, занимались одним делом и жили в слаженном коллективе.

В детской студии на телевидении у Серёги был один товарищ, с которым он мог откровенно разговаривать и делиться

ся своими проблемами. Звали его Женя Щёлоков, и он был ведущим артистом всех телевизионных постановок. Не уверен, что Жене это очень нравилось, он просто был хорошим мальчиком. Также был ещё и Сергей Дубровский, который к Серёге относился с некоторым сочувствием, но дружбой это не назовёшь.

Все остальные мальчики из студии, которые могли бы быть друзьями, оказались влюблёнными в одну и ту же девочку, а потому дружно били непокорного Серёгу, не желавшего стоять в очереди на право провожать свою избранницу. Ну и не только поэтому.

Наверное, другом можно было бы назвать дядю Романа, с которым он немало выпил на детской площадке. Но дядя Рома куда-то пропал вместе с бабушкиными деньгами...

Таким образом, Серёга подошёл к своей новой взрослой жизни не обременённый друзьями и полный надежд на то, что настоящая (или хоть какая-то дружба) ждёт его впереди.

В чём же причина того, что Серёга никак не вписывался в то, что принято называть школьной или просто детской дружбой? В стремлении к свободе, которую, как мы помним, Серёга ощутил ещё в чреве у матери? Или в той самой невосребованности, когда его судьба особо никого не интересовала, кроме бабушки, любившей его? Или потому, что он всегда стеснялся того, что не может вписаться в тусовки по причине своего маленького роста и, как ему казалось, некрасивой внешности?

Но факт остаётся фактом.

Авторитеты

Серёга неожиданно для себя поступил на отделение «Режиссура драмы» в Институт культуры им. Н. К. Крупской, в который совершенно не думал поступать, но так получилось, судьба.

Перед тем, как проникнуть в здание у Кировского (ныне Троицкого) моста, ведущего в район Серёгина детства, надо несколько слов сказать о самом заведении, куда волею случая попал Серёга.

Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской (сокращённо – ЛГИК) оказался достаточно известным в городе учебным заведением. Какие только названия ему ни приписывали: «заведение мадам Крупской», «институт культуры и отдыха»... А на другой стороне площади Суворова располагался знаменитый Северо-западный заочный политехнический институт. И только ленивый не повторял эту сакраментальную фразу: «На берегу Невы стоят две дуры: СЗПИ и Институт культуры!»... При этом наш институт имел достаточно богатую историю и с 1918 года готовил специалистов в области библиотечного, театрального дела, массовых праздников и гуляний, музыкального просвещения; организаторов музеев, выставок и, наконец, специалистов в сфере культурно-просветительной работы, которую кратко называли КПр.

К 1976 году, когда Серёга переступил порог данного заведения, в нём было три факультета: один библиотечный и два факультета культурно-просветительной работы (КПР-1 и КПР-2). Первый КПР готовил будущих директоров, методистов, короче, организаторов клубного дела. Под клубным делом подразумевались Дворцы и Дома культуры, непосредственно клубы, в том числе ведомственные и по месту жительства, которые были призваны прививать культуру советским гражданам. А на КПР-2 оказались сосредоточены все творческие кафедры, готовящие специалистов различного рода кружков и студий, которые, как правило, и находились в тех заведениях, которыми должны были командовать те, кто обучался на факультете КПР-1.

Именно в рамках факультета КПР существовала кафедра и, соответственно, отделение с красивым названием «режиссура драмы». На данной кафедре преподавателям было приятно преподавать, а студентам учиться, и, видимо, именно на этом названии делался акцент во время прихода великого режиссёра-педагога Розы Абрамовны Сироты.

Наивные абитуриенты полагали, что их специальность по окончании института так и будет называться: «режиссёр драмы», в крайнем случае, «режиссёр народного театра». Одно дело говорить девчонке, что ты учишься на режиссёра драмы, а другое, что ты – будущий культпросветработник высшей квалификации со специальностью «руководитель самодеятельного театрального коллектива».

Потому и для Серёги, и для всех его однокурсников название отделения – «режиссура драмы» – было большой радостью. Это не шло ни в какое сравнение с соседним отделением под названием «режиссура массовых представлений и праздников», которое дразнили кафедрой театрализованных расстрелов и массовых репрессий, или отделением хореографии, которую по-доброму называли «три притопа, три прихлопа». А между тем, в то время кафедрой хореографии руководил выдающийся советский танцовщик, народный артист РСФСР Борис Яковлевич Брегвадзе.

Что и говорить, чувствовали себя Серёга и его товарищи институтской элитой, ходили с гордо поднятыми головами, а некоторые считали, что и лекции по предметам, не касающимся непосредственно специальности «режиссура», посещать не стоит по принципиальным соображениям. Действительно, зачем режиссёру диалектический материализм или история КПСС? Вредно. Большинство из этих «некоторых» не смогли закончить даже первый год обучения. Но об этом чуть позже.

Переход из школьной жизни, которую все привыкли называть беззаботной, во взрослую студенческую жизнь был непростым. Кем бы ни были твои одноклассники, как бы ты их ни любил, как бы тебя эта школьная жизнь постоянно ни раздражала или радовала, в институте наступает совершенно новый этап. Новые люди, новые учителя, которых теперь называют «преподаватели», новый режим учёбы.

Эти отличия Серёга обнаружил с самого первого шага, то есть с первого сентября. Например, в институте не задавали домашних заданий каждый день. И не спрашивали ничего на лекциях. Значит, можно было не готовиться и не заниматься. То есть получается, что можно было не учиться? Но на первом курсе было интересно, потому что ново, а остатки школьной дисциплины, когда уроки нельзя прогуливать, и любопытство гнали Серёгу с раннего утра с конца города на трёх видах транспорта в историческое здание у Летнего сада постройки восемнадцатого века.

Приходишь в аудиторию на лекцию, а там не тридцать человек, как в школе, в классе, а в три, а то и в четыре раза больше. На лекции по общеобразовательным предметам ходили студенты с самых разных кафедр и факультетов, более того, на некоторые лекции приходили студенты из других учебных заведений. А связано это было с тем, что к концу семидесятых годов Институт культуры славился уровнем преподавательского состава. Достаточно сказать, что в нём работали тридцать четыре доктора и около ста семидесяти кандидатов наук и доцентов, десятки профессоров. Большинство их имён были широко известны, многие считались цветом петербургского научного сообщества. Например, Семён Семёнович Ланда, легендарный историк, специализирующийся на эпохе декабристов и литературовед-пушкинист; Светлана Николаевна Иконникова, известная в стране в качестве чуть ли не основателя культурологии как науки. Ка-

федру философии, которая была зашифрована под кафедрой марксистско-ленинской философии, возглавлял известный не только в СССР, но и в мире профессор-философ Абрам Израилевич Новиков (сын которого, Виктор Абрамович, кстати, работал в театре имени В. Ф. Комиссаржевской и в начале девяностых стал художественным руководителем знаменитого театра). Литературоведы: академик РАН Панченко Александр Михайлович, профессора Акимов Владимир Михайлович, Эльяшевич Аркадий Павлович (его сын Дмитрий Аркадьевич руководит сегодня кафедрой медиалогии и литературы) и многие другие великие учёные.

Одним из самых любимых преподавателей среди студентов был заведующий кафедрой психологии Владимир Львович Дранков. Доктор психологических наук, профессор, крупнейший специалист по психологии творчества и человеческих отношений. Поговаривали (и это оказалось правдой), что его родной дядя Александр Дранков в 1908 году снял на киноплёнку живого Льва Толстого. А сам Владимир Львович консультировал Иннокентия Смоктуновского во время съёмок фильма «Гамлет» (реж. Г. Козинцев). Его докторская диссертация называлась «О природе художественного таланта». Безусловно, студенты его обожали. Стол профессора во время его выступлений украшало несколько стаканов с компотом. Каждый опаздывающий на лекцию студент считал своим долгом принести стакан компота из студенческой столовой. А когда студенты ему сдавали экземе-

ны, то он, раздав билеты, уходил в студенческую столовую – выпить компоту. Говорят, что у него сдавали все.

И если в школе Серёга мог рассказывать о скучных и неинтересных учителях, то, вспоминая институт, он таких назвать не мог. Кстати, приятно было, попадая иногда в компанию, где люди считали себя интеллигентами-гуманитариями, а, возможно, таковыми и являлись, «жонглировать» этими именами и фамилиями – их знали, уважали, читали их книги. Так что изначально проблем с поиском авторитетов у Серёги не было. Он их видел совсем близко, рядом с собой, мог задавать им вопросы и даже обедать с ними в одной столовой.

О либеральности и свободомыслии в данном учебном заведении тоже ходили легенды в соответствующей среде, о чём Серёга узнал значительно позднее из вполне компетентных источников. Но в реальности этот либерализм заключался в том, что на лекциях нисколько не напрягало название странных идеологизированных предметов, таких как «история КПСС», «политэкономия капитализма (социализма)», «марксистско-ленинская эстетика», «марксистско-ленинская философия», «основы научного коммунизма» и прочих. Марксистско-ленинская философия, как, впрочем, и основы научного коммунизма, была обычной философией, где эта наука брала начало в самых древних греческих и римских временах, а затем с помощью диалектического и исторического материализма охватывала учения Ге-

геля, Канта, Ницше и даже Фрейда. Политэкономия, несмотря на приставки «социалистическая» или «капиталистическая», оказывалась самой обычной наукой, которая сегодня называется «экономика».

И вроде бы такой предмет, как история КПСС, подавался в виде увлекательной истории революций и их последствий с акцентом на XX съезд КПСС и развенчание культа личности и репрессий. Преподавал его замечательный, обаятельнейший Борис Исидорович Рашрагович, который, кстати, был деканом важного факультета КПр.

Либеральности и свободомыслия хватало даже в преподавании таких предметов, как литература русская и зарубежная, а великолепная, легендарная и неповторимая Лидия Ильинична Афанасьева преподавала изобразительное искусство. Конспекты её лекций передавались из рук в руки, а знаменитые цитаты из уст в уста:

«Рокотов никогда ничего не пишет просто так. Никогда! Если здесь должно быть ухо – здесь будет ухо! А не нога!»

«Кто-то говорит, что в Ленинграде памятники грязные, ржавые... А они что думают? Что Медный всадник должен блестеть, как самовар? Это – ПЫЛЬ ВРЕМЁН!»

Единственный предмет, где с либерализмом было сложно, носил смешное название «Клубоведение», а в народе – «клубоводство» и даже «коневодство». Его было много, он считался чуть ли не самым главным и должен был быть всеми уважаем. Достаточно сказать, что один из трёх государ-

ственных экзаменов, наравне с режиссурой и основами научного коммунизма, был именно экзамен по клубоведению. А самое главное и печальное было то, что преподавать там было совершенно нечего, буквально каждая тема высасывалась из пальца. Он был не нужен ни для общего развития, ни для использования в работе. Но, видимо, такова неизбежная нагрузка к нормальным знаниям. На этих занятиях студенты должны были изучать и конспектировать работы супруги вождя – самой Надежды Константиновны Крупской, имя которой и носил институт, и чей бюст встречал студентов при входе в легендарное здание. Самая гениальная её работа «Чем должен быть рабочий клуб» начиналась так: «Рабочий клуб не должен быть замкнутым. Он должен быть незамкнутым!»... И подобных мудрых мыслей было достаточно.

Безусловно, приходя в огромные аудитории, Серёга растворялся в этой студенческой среде, мог завести знакомство с соседом или соседкой, а мог и не знакомиться. Вроде и преподаватель тебя не очень замечает: есть ты или нет. Через какое-то время Серёга обратил внимание на то, что окружающие его девушки что-то записывают в тетради. Так он узнал слово «конспект» и тоже стал ходить на лекции с тетрадками. Старался фиксировать умные мысли своим кривым почерком, но, приходя домой, ничего разобрать не мог. Впрочем, со временем научился конспектировать схемами и знаками так, чтобы потом хоть что-то разобрать.

Кроме лекций, существовали ещё и семинары по отдель-

ным предметам. Это уже больше напоминало уроки в школе, так как имелся ограниченный круг студентов, в основном, с одного отделения. Не посещать семинары, мягко говоря, не рекомендовалось, так как у многих преподавателей была хорошая память на лица и во время главной встречи со студентами с глазу на глаз, которая называлась экзаменом или зачётом, они учитывали уважение к себе и к своему предмету.

Кстати, об экзаменах и о периоде, называемом сессией. К этому событию, которое неотвратимо случалось два раза в год, большинство студентов относились как к неизбежной беде. Все шесть месяцев гуляешь, пьёшь, веселишься – и вдруг опять. Надо за несколько дней осилить трудно читаемого Маркса или Ленина, не очень любимые материалы партийных съездов, заучить даты важнейших событий истории России, а также прочитав большое число драматических произведений, шедевров русской или зарубежной литературы.

Но было и преимущество. Большинство преподавателей ценилось не то, что ты знаешь, а то, что ты думаешь о том, что знаешь. Ценилось несогласие с официальной версией и даже с позицией педагога, если это несогласие было аргументированным и убедительным. То есть мышление (умение мыслить) ценилось выше знаний и заученных текстов учебников. Учёба в институте давалась Серёге легко. Трудно назвать предмет или дисциплину, которые вызыва-

ли бы у Серёги идиосинкразию (врождённое неприятие). Разве что забавляли такие искусственные науки, как клубоведение, по которому у Серёги имелась одна из немногочисленных четвёрок.

После первой сессии Серёга стал получать повышенную стипендию, сдав все экзамены на пятёрки. Это было не совсем привычно, учитывая, что в школе Серёга являлся круглым троечником. Преподаватели в институте, как уже говорилось, в большинстве своём ценили в студентах умение мыслить, а своих мыслей у Серёги всегда было больше, чем знаний. Более того, Серёга ещё со школы понял, что главное на экзамене – убедительность или, проще говоря, умение убедить преподавателя в своих знаниях.

На экзаменах по таким предметам, как зарубежная, русская литература или история драмы, большинство преподавателей с первых слов студента понимали, читал ли экзаменуемый произведение, по которому был вопрос, или довольствовался аннотациями в учебнике. Серёга старался читать много литературы и чувствовал себя достаточно спокойно. Но бывали и осечки. Однажды на экзамене по зарубежной литературе попался вопрос по произведению, которого Серёга не читал. Это был Анри Барбюс «Огонь» – ужасный роман о первой мировой войне. Серёга был очень разозлён. Как так?! Всё читал! А выпал именно этот роман! Пришлось сделать жалкий вид и попроситься в туалет. Милая, но строгая преподаватель его отпустила. Во-первых, потому что Се-

Серёга был на хорошем счету, а во-вторых, потому что невозможно прочитать роман «Огонь» за десять минут и даже за час. Но Серёга побежал в библиотеку, схватил книгу, переписал оглавление, просмотрел начало романа, конец романа и одну из глав (центральную).

Серёга начал своё выступление агрессивно:

– Честно скажу, мне не понравился этот роман. Его тяжело читать. Очень раздражал реализм, постоянные жуткие сцены...

Затем очень красиво пересказал то, с чего роман начинается, оглавление и то, чем роман заканчивается, постоянно выражая лицом брезгливость.

– Я ценю ваше мнение, но скажите, неужели ничего в этом романе вам не понравилось?

– Не могу сказать, что понравилось. Скорее – произвело впечатление. Это глава, если помните, где ужасно реалистичная сцена в госпитале.

Преподаватель посоветовала Серёге не просто довольствоваться текстом произведения, но и читать иногда литературную критику в учебниках. Это было высшей похвалой от этого преподавателя.

Но особые отношения у Серёги сложились с проректором по учебной работе Юрием Георгиевичем Коробовичем, который, как помним, вручая студенческий билет Серёге, произнёс почти классическую фразу «Какой молодой мальчик». Преподавал он историю КПСС. Однажды на семинаре один

из Серёгиных однокурсников, отвечая на вопрос, с пафосом выдал: «Владимир Ильич Ленин говорил, что в определённый момент партия должна быть гибкой...» Юрий Георгиевич аж покраснел и громко произнёс:

— Гибкой должна быть баба, извините!!! А партия должны быть железной!

Эта фраза и насмешила, и озадачила студентов, но вошла в их студенческий фольклор.

Юрию Георгиевичу импонировала свежесть Серёгиных мыслей и его готовность спорить в вопросах, где требовалась трактовка того или иного факта. Дело в том, что дома у Серёги каким-то образом сохранилась литература эпохи правления тирана Сталина, включая его труды, а также толстая книга с огромным количеством иллюстраций о приключениях Никиты Хрущёва в США под названием «Лицом к лицу с Америкой». Вся эта литература из библиотек была изъята, а Серёге нравилось изучать то, чего нельзя. Потому для преподавателей было загадкой, откуда Серёга знает столько изъятых из библиотек материалов.

Это послужило для Юрия Георгиевича Коробовича поводом для того, чтобы на втором курсе доверить Серёге подготовку реферата на тему «Петроград и Москва в октябре-ноябре 1917 года (борьба большевиков за укрепление власти Советов)». Но с условием, что изучать тему Серёга будет по материалам газет и реальных документов, доступ к которым имелся в библиотеке Академии наук на Васильевском

острове. Для этого от института подготовили официальное письмо, и Серёге выдали специальный пропуск.

Серёгу увлекло чтение революционных газет, протоколов съездов, послереволюционных журналов, типа «Пролетарская революция», он вживую проникся революционной атмосферой 1917 года в Петрограде и Москве, и реферат у него получился, если так можно говорить о научных трудах, очень искренним и прожитым. Юрий Георгиевич Коробович реферат прочитал и высказал свои замечания, среди которых основным пожеланием было убрать у всех участников событий, кроме Ленина, имена и отчества, а то как-то слишком человеческими получались Лев Давидович Троцкий, Лев Борисович Каменев, Николай Иванович Бухарин или Григорий Евсеевич Зиновьев.

Через несколько месяцев Серёга узнал, что этот реферат институт отправил на VII городской конкурс по общественным наукам, истории ВЛКСМ и международного молодёжного движения. И, как оказалось, не напрасно. Серёгина работа была признана лучшей, и ему торжественно вручили соответствующий диплом.

Имелась у Серёги ещё одна слабость – древнегреческая философия. На втором курсе замечательный преподаватель по диалектическому материализму Нелли Павловна Пономаренко доверила юному студенту подготовить реферат на тему «Диалектика Платона». Зачем она это сделала? Чего хотела добиться? Не очень понятно. Но Серёга поче-

му-то прочитал работу Платона «Софист» и в реферате решил с ним, с Платоном, немного поспорить. А как иначе, ведь материализм родился в борьбе с идеализмом, а диалектика в борьбе с метафизикой! Серёга назвал Платона противоречивым философом, а отдельные его доктрины идеализма – реакционными. Некоторые тезисы его реферата я так и не расшифровал, думаю, что и нынешний Серёга тоже не поймёт, о чём, например, это: *«Так как иное есть род сущего, то все частные разновидности должны быть сущими. Область иного беспредельна. Каждое отрицание, поставленное перед каким-нибудь понятием, означающий известный предмет бытия, очерчивает беспредельную область иного, которая противопоставляется, как один вид существующего, отрицаемому понятию, как другому виду существующего»*.

Читая Серёгин реферат, Нелли Павловна сначала подчёркивала тезисы о реакционности и противоречивости доктрины идеализма Платона, но потом, видимо, поняла, что это суть Серёгина радикализма и, когда дошла до главного тезиса реферата: *«Существующее без всякого противоречия, становится тысячи раз несуществующим»* – поставила твёрдую пятёрку. Этот реферат на конкурс не посылали, но для Серёги он оказался очень важным, так как противоречия и противодействия всегда являлись для него движущей силой.

Но успехи в учёбе и тем более близость к преподавателе-

лям не поднимали авторитет Серёги. В творческом вузе учёба не являлась признаком авторитетности.

Однокурсники и друзья

Больше всего Серёгу беспокоило знакомство с будущими однокурсниками, то есть с теми, с кем предстояло по несколько часов в день общаться глаза в глаза.

Перед Серёгой стояла сложная и почти невыполнимая задача – всем понравиться. Но печальный опыт взаимодействия с одноклассниками, который подразумевал полное отсутствие взаимопонимания, как и в детской творческой студии при телевидении, не давал Серёге никаких шансов. Он же не вырос ни на один сантиметр и не поправился ни на один килограмм, и усы у него не появились.

Первое собрание группы Серёга помнит только потому, что пытался всех посчитать и поделить. Он обнаружил двадцать девять человек, из которых всего девять девушек, а правильное сказать – женщин. Это был единственный курс во всём институте, где их было так мало. Почему-то Серёга приуныл. Вспомним, что в институте был библиотечный факультет, где встретить юношу считалось большим событием. Далее юный студент внимательно, но с необходимой степенью осторожности вглядывался в лица тех однокурсников и однокурсниц, с которыми ему предстояло учиться целых четыре года. Чувствовалось, что большая часть из них хотели быть артистами, просто не поступили в театральный институт и пришли в это здание переждать год и поднакопить

творческого опыта, благо преподаватели по творческим дисциплинам здесь были высококласными.

На этом первом собрании была и возможность поближе познакомиться с первыми в жизни Серёги театральными педагогами. Это были те же люди, что принимали вступительный экзамен по творческой специальности. Сейчас они были более расслаблены, чем на экзамене, так как от них уже не требовалось делать выбор, и студенты могли их рассматривать без опаски. Единственную женщину, которая прогоняла Серёгу с каждой консультации, куда он ходил из подросткового любопытства, при этом уже сдав экзамен, знали все в институте, и не только на кафедре режиссуры. Все гордились тем, что Роза Абрамовна Сирота – величайший режиссёр-педагог, в очередной раз поссорившись с Георгием Александровичем Товстоноговым, режиссёром Большого драматического театра, пришла преподавать именно в Институт культуры. Она сидела с очень серьёзным видом, всматриваясь в каждого студента и внимательно вслушиваясь в их рассказы. При этом комментировала выступление каждого студента при поступлении, задавала очень короткие вопросы. Казалось, что она никогда не улыбается.

Улыбался Борис Васильевич Сапегин, который был главным начальником, так как являлся заведующим кафедрой режиссуры. Борис Васильевич был ветераном Великой Отечественной войны и слегка прихрамывал, как поговаривали, из-за ранения. Он был учеником Николая Акимова и Ге-

оргия Товстоногова, работал режиссёром в Магнитогорском театре драмы, Костромском драмтеатре, Вологодском драмтеатре, Брянском театре драмы, Челябинском театре драмы. Улыбаясь, Борис Васильевич осторожно посматривал на Розу Абрамовну и излучал огромное счастье оттого, что ему удалось убедить великого педагога сесть рядом с ним, где он мог даже почувствовать себя её начальником. Борис Васильевич много шутил, глядя почти каждому в глаза, по очереди приговаривал:

– Вот уж кого не ожидал здесь увидеть!

– И вас тоже...

– И вас...

Все были в лёгком шоке и только потом поняли, что это была такая шутка.

Также улыбка не сходила с лица подтянутого пятидесятилетнего мужчины, вид которого доказывал, что в СССР ещё сохранилась настоящая русская интеллигенция, хотя внешне он был больше похож на француза. Он всегда спрашивал разрешения, чтобы задать вопрос или что-то прокомментировать, речь его была изысканной, очень правильной, без слов-паразитов и тем более без грубых или ненормативных выражений. Валентин Михайлович Мультатули был ходячей энциклопедией, полиглотом, имел два высших образования – филологическое и режиссёрское, являлся лучшим переводчиком Мольера. Также в институте был известен факт, что он являлся внуком (по материнской линии) Ивана Харито-

нова – последнего повара императора Николая II, расстрелянного вместе с ним в 1918 году, о чём в советское время говорить было не принято. И, если кто-то с Серёгинаго курса, включая самого Серёгу, покинул Институт культуры с некоторым набором изысканных манер, то в этом огромная заслуга Валентина Михайловича.

Четвёртый педагог был самым молодым среди этой четвёрки. Лицо его украшали чёрные усы, он был несколько зажат, редко улыбался, говорил мало – очевидно, авторитеты давили. Именно этому человеку в данной книге будет посвящено больше всего внимания.

Итак, именно эта четвёрка на протяжении всего обучения превращалась в подлинных родителей-преподавателей, самых близких для студентов наставников.

Суть этого первого собрания состояла в том, чтобы не просто представиться самим, но и дать студентам возможность познакомиться друг с другом. Они представляли каждого студента, разбирая вступительные экзамены и ненавязчиво объясняя свой выбор, а затем предлагали студенту представить себя, красиво рассказав какую-то историю, с ним связанную.

С каждым выступлением, пока очередь не дошла до самого Серёги, его охватывала необъяснимая паника. Всего-то четыре ровесника-юноши и две девушки одного с ним года рождения, то есть семнадцати или восемнадцати лет. Остальные все «старые» – кому двадцать, кому двадцать

один или двадцать два. Были и несколько «стариков», кому уже исполнилось двадцать восемь лет. Один из этих «стариков» по имени Владимир уже работал режиссёром народного театра в Ленинграде и пришёл только для того, чтобы получить диплом об образовании. Другой «старик» - ленинградец с лицом убийцы, маньяка или большого художника (в зависимости от выражения лица) был тёзкой Серёги, но Серёга обращался к нему только по имени-отчеству – Сергей Дмитриевич. Его усы над толстой верхней губой постоянно подёргивались. Он был очень серьёзен, всё записывал и даже осмеливался задавать вопросы. Но при этом в его облике была очень органичная, почти детская непосредственность, граничащая с непредсказуемостью. Скорее всего, именно за это его и взяли на режиссуру. В начале первого курса Сергей Дмитриевич даже взял молоденького Серёгу под опеку. После поездки на сельхозработы в сентябре он зазывал Серёгу к себе домой и показывал, что такое работа с воображаемыми предметами, как надо надевать на себя воображаемый пиджак, пить воду в отсутствие стаканов и всякие другие упражнения. Серёга, уважая солидных усатых людей, относился к Сергею Дмитриевичу с нескрываемым почтением, что очень радовало взрослого однокурсника. В дальнейшем, Сергей Дмитриевич неоднократно будет поражать однокурсников своей непосредственностью и непредсказуемостью, например, играя роль клоуна, придёт с палкой, в которой мужчины тут же признают палку из мужского туалета.

та, а в эту пору, посвящённом блокадной теме, в котором играл вместе с Серёгой, на глазах у изумлённого Серёги, съест взятые из пепельницы окурки... Но это будет позже, а пока Серёга заинтересовался им даже больше, чем немногочисленными женщинами.

Большое число будущих друзей-однокурсников были из других городов СССР и даже одна девушка из Финляндии – дочь финского коммуниста. На первом собрании однокурсники с некоторым удивлением увидели чернокожего жителя Сомали по имени Абдурахман Юсуф Артан. Это было неожиданно! Когда до него дошла очередь, чтобы представиться и рассказать интересную историю и поделиться самым сильным впечатлением из своей жизни, Абдурахман, сверкая белыми зубами, весьма эмоционально, с необычным африканским акцентом поведал, как однажды его чуть было не съели (в прямом смысле!) представители соседнего племени каннибалов. Это была самая интригующая история!..

Борис Васильевич Сапегин, заведующий кафедрой режиссуры и непосредственный руководитель курса, не был расистом. Он просто почему-то не очень любил студентов-иностранцев.

– Смотри, – говорил он чернокожему студенту, – сейчас октябрь, а уже так холодно. А в ноябре снегом всё завалит, ты простудишься и умрёшь, Абдурахмаша. А в Киеве – до февраля тепло! Поезжай в Киев!

Убедил Борис Васильевич Абдурахмана перевестись

в Киев. А к Новому году на курсе не осталось ни одного иностранца. Даже дочь финского коммуниста уехала на свою родину.

Среди однокурсников были два человека из Эстонии: девушка Малле Копель, которая говорила с красивым эстонским акцентом, и юноша Коля, который всем доказывал, что знает эстонский язык, но проверить это могла только Малле. Когда новоиспечённые студенты называли города своего детства, Серёга мог подтянуть собственные знания по географии великой России. Такие города, как Тула, Курск, Кингисепп, Серёга, конечно, знал, а вот Камышин, Нарьян-Мар, Бриндакит, Великие Луки были загадкой. Когда очередь дошла до Серёги, Роза Абрамовна Сирота, разбирая вступительные экзамены и формулируя основную Серёгину индивидуальность, сказала:

– Вышел этакий петушок наглый и Пушкина читает, а затем начал нас учить студентов отбирать... – (имея в виду басню Л. Гаврилова).

А Серёге о себе рассказывать было нечего. Ленинград. Школа. ТЮТ. Не будешь же хвастаться знакомством с уса-тым молдаванином, так и не поступившим в это заведение, или заново читать Пушкина. Не рассказывать же всем о том, как он не стал музыкантом, не стал спортсменом или как он «дрался» с коллегами по творческой студии на телевидении... Не смог Серёга что-то интересное вспомнить из своей жизни. Рассказал какую-то ерунду про зайчика, перебе-

гавшего дорогу, чем публично подтвердил отсутствие у него жизненного опыта. Короче, в первый же день – опозорился.

Под конец этой первой встречи все двадцать девять студентов оказались разобраны по группам между четырьмя наставниками. Серёга до последнего момента самонадеянно думал, что попадёт к Розе Абрамовне Сироте, но... попал в группу к молодому усатому режиссёру-педагогу Геннадию Алексеевичу. Единственным утешением было то, что туда же попала девушка, которая сразу приглянулась Серёге, хотя и была на четыре года его старше. Напомню, что и с девушками-ровесницами у Серёги имелись проблемы. Что тогда говорить о бесперспективности симпатий к почти тургеневского типа взрослой барышне, носившей красивое имя Наталья, одной из самых талантливых актрис на курсе, при этом являвшейся, в отличие от некоторых других способных «барышень-актрис», олицетворением неприступности и строгости. Данное обстоятельство ограждало мальчика Серёгу от постоянной ревности, так как барышня ровно относилась ко всем. Именно это качество и не позволяет мне проводить параллели с трагической любовью пятнадцатилетнего Серёги к ведущим пятнадцатилетним телевизионным актрисам из прошлой жизненной практики.

Жизнь в институте закрутилась такая бурная, что предпринимать какие-то специальные действия, чтобы гармонично влиться в разношёрстный коллектив, не требовалось. Всё происходило само собой. Разница в возрасте между од-

нокурсниками стиралась, и казалось, что все были ровесниками. Не чувствовалось и разницы в уровне профессиональной подготовки. Даже те, кто уже имел опыт работы режиссёром, предпочитали этот опыт не демонстрировать. Всё что угодно могло стираться, тем более когда все на занятиях одеты в трико, кроме одного – таланта и индивидуальности. И для того, чтобы гармонично вписаться в этот коллектив, требовалось быть если не талантливym, то, как минимум, иметь собственное лицо, обладать индивидуальностью или самобытностью. Видимо, у Серёги что-то индивидуальное было, а потому он гармонично вписывался и чувствовал себя весьма комфортно. И очень скоро Серёга понял, как прекрасно учиться на одном из самых взрослых отделений в институте.

Действительно, особенностью обучения на творческом отделении было то, что, кроме лекций и семинаров, огромное количество времени занимали специальные предметы, как-то: режиссура, актёрское мастерство, сценическая речь, музыка, пантомима, сценическое движение, даже фехтование и много-много различного рода актёрских тренингов. И это не было чем-то удивительным, так как и без этих тренингов занятия в некоторые дни начинались в 8.30, а заканчивались в 22.00. Суббота не считалась выходным днём, и именно в этот день были в основном занятия по группам с наставниками, также длившиеся целый день. Серёге такой режим нравился: что в будни, что в выходные утром всё рав-

но не поспишь, когда ночуешь в проходной комнате, и, куда с утра убегать, было без разницы.

Серёге было трудно представить, как может складываться нормальный студенческий коллектив, если одnogруппники встречаются только на лекциях и семинарах и, в лучшем случае, на студенческих «корпоративах». Здесь же было всё по-другому. Прибегаешь с раннего утра на самый верхний этаж в аудиторию, переодеваешься в обтягивающее трико (что очевидно не красило щуплого Серёгу), и начинается тренинг по актёрскому мастерству. И в данный момент, вне зависимости от возраста, все начинали мычать, кукарекать, изображать увядающие цветочки, бегать по лужам, зажигать или тушить свечи, чистить зубы и заниматься всякой другой, казалось бы, ерундой.

Преподавал актёрское мастерство обаятельнейший шестидесятишестилетний Лев Владимирович Шостак, известный ленинградский артист, игравший в своё время в знаменитом театре у Николая Акимова. Его все обожали и старались не пропускать ни одного занятия. Чуть позже Лев Владимирович обязал всех сходить в цирк и в зоопарк, чтобы принести из этих мест реальный и актуальный этюд. Серёга принёс из зоопарка образ совы, так как тот не требовал резких движений, а из цирка – образ шпрыхшталмейстера (таким сложным немецким термином называют ведущего циркового представления) и дрессировщика собачек. Занятия шли одно за другим. После кукареканья и мычания бе-

решь рапиру и учишься фехтовать, как заправский мушкетёр, затем тебя, а точнее, твои мышцы, пытаются расслабить на уроках сценического движения, после чего логично и пантомимой заняться. А как потом хочется попеть на уроках музыки с замечательным весёлым педагогом по музыкальному воспитанию Игорем Константиновичем Гороховым!

*Крутится жизни, крутится жизни колесо!
Ветер весёлый, ветер весёлый бьёт в лицо!
Волны бросают, волны бросают вверх и вниз!
Не опоздать бы и не отстать бы! То-ро-пись!*

Несмотря на огромную загруженность в институте, на развлечения тоже времени хватало. Конечно, были на курсе и такие студенты-ленинградцы, которые находили развлечения в одиночку дома за учебниками и книгами, так как у них были, наверное, свои комнаты. Они казались очень скучными, не курили в знатной курилке, где, в основном, и решались все организационные вопросы, не участвовали в пьянках, которые сегодня назывались бы корпоративами. Серёга же пытался активнее примыкать к группе иногородних, которые по большей части развлекались вместе – либо на улицах, либо в легендарном общежитии на проспекте Смирнова (ныне Ланское шоссе). Здесь проживала наиболее активная и творческая часть курса, не говоря уже о барышне Наталье и её подруге Любе. И понятно, почему Серёга всегда мечтал оказаться там.

Навязываться в качестве дополнительного собутыльника какой-то сложившейся группе весёлых ребят было не очень удобно. Всё-таки они и день и ночь вместе, живут в одной комнате. Стеснялся Серёга. Всё время искал повод, чтобы вместе с задорным Витей-пианистом, Вадиком из Кирова, Николаем из Нарьян-Мара или Володей – солидным курским мужичком – повеселиться. Этим стеснением Серёги иногда пользовался юноша Коля из Таллина.

Коля из Таллина

Коля был, естественно, старше Серёги, считал себя европейцем и очень удачно формировал себе имидж покорителя женских сердец. Наверное, Серёга был тем, кто этот имидж не оспаривал, потому Коле из Таллина было с ним просто и уютно. Он мог без умолку рассказывать о том, как одну за другой влюблял в себя женщин, а Серёга не очень понимал, зачем надо одну за другой. Ему хотя бы одну влюбить в себя. Ещё у Коли из Таллина была очень интересная особенность. В институтской столовой Коля частенько становился впереди очереди, перед другими однокурсниками, с подносом, набирал еды, а когда подходил к кассе, испуганно шарил по карманам в поисках денег, не находил их и умоляющим взглядом обращался к тому, кто оказывался за ним (забыл, потерял, украли, оставил). Через некоторое время все, конечно, раскусили этот ненавязчивый приёмчик и стремились либо встать в очередь впереди Коли, либо не становиться сразу за ним. Откровенно говоря, Коля и не очень-то злоупотреблял подобным способом сэкономить копейки, но, если Коля приглашал кого-то в ресторан или в кафе, большинство искали предлоги, чтобы отказаться.

Коля был очень непосредственным и лёгким человеком. Серёге с ним было интересно. Имелась у Коли и ещё одна прекрасная черта – он очень любил свой родной город Тал-

лин и стремился всех вокруг познакомить с этой великолепной частью Европы в СССР. Мама Коли работала администратором в одной из недорогих гостиниц Таллина, что решало вопрос проживания. Серёгу Коля взял с собой в Таллин. Это дало возможность Серёге познакомиться с городом не поверхностно, а глубоко проникнуть в самые потаённые уголки старого города, куда самостоятельно Серёга никогда бы и не попал. А также лучшие магазинчики, кафешки, бары. Серёга влюбился в этот город, и до сегодняшнего дня считает, что это один из самых уютных и красивейших городов старой Европы. И, пребывая в нём значительно позже, всегда вспоминал Колю. Кстати, в своём родном городе Коля был щедр.

Один из самых крутых баров в Таллине, по мнению Коли, находился в гостинице «Viru» – двадцатитрёхэтажном здании, находившемся в ста метрах от старого города. Но вход в этот бар был весьма строгим, и таких юных мальчиков, как Серёга, туда не пускали. Серёге на тот момент ещё и восемнадцати лет не исполнилось, так что и документ в виде студенческого билета ему бы не помог. Но Коля придумал, как провести Серёгу в это элитное заведение. Где-то нашёл синий галстук немецких пионеров (такой же, как был у советских пионеров, только не красного, а синего цвета), повязал его на шею Серёге и на входе в бар представил его как своего немецкого юного друга. Не удивительно, что в Таллине к иностранцам, даже маленьким, относились с огромным пи-

ететом, и Серёге оставалось только либо молчать, либо говорить по-немецки, хотя после попадания в самое чрево взрослого заведения в тёмном уголке на него с Колей внимания никто не обращал. Позднее Серёга узнал, что в этой гостинице был двадцать третий засекреченный этаж, на котором сидели сотрудники советских спецслужб и за всеми подслушивали и подсматривали. Как хорошо, что в этот день они не спустились в бар выпить кофе! Не исключено, что мальчик – немецкий пионер в синем галстуке – привлёк бы внимание сотрудников, работавших под самой крышей.

Поговаривали, что Коля из Таллина был большим авантюристом и фантазёром, а говоря проще, постоянно привирал, то есть врал с пол-оборота. Это было очень органично и настолько искренне, что ему верили даже опытные педагоги, да и сам он начинал верить в свои истории. Серёга же верил ему в силу своего наивного возраста. А вот для соседей по комнате в общежитии Колино враньё являлось чем-то привычным, и знали они эту особенность Коли очень хорошо. Однажды Алексей из Якутии и Витя-музыкант пришли в комнату и увидели очень грустного и почти плачущего Колю из Таллина.

- Что случилось, Коля? – спросили испуганные соседи.
- Да так... ничего...
- Ну, говори!
- Сейчас по радио передали, что умер композитор Василий Павлович Соловьёв-Седой...

– И что?

– Да как сказать... – задумался Коля из Таллина и погрузнел ещё больше. – Мама очень расстроится...

– ???

– Просто, когда Василий Павлович приезжал в Таллин, у них с мамой был бурный роман, и она часто думала, а не от него ли я появился на свет... Вот и не знаю, как ей позвонить или телеграммой сообщить...

В этот момент Коля должен был заплакать, но Витя и Лёха так громко рассмеялись, что Коля обиженно вскочил и хотел уже громко хлопнуть дверью, но не выдержал и также стал смеяться:

– Только не говорите Николаю!

Николай из Нарьян-Мара был одним из немногих однокурсников, кто постоянно, говоря современным языком, троллил фантазёра Колю и разоблачал его рассказы.

Серёга тоже один раз попался на несколько преувеличенные Колины истории. Однажды Коля объявил, что снялся в фильме великого режиссёра Ролана Быкова «Нос» в одной из ведущих ролей. Фильм «Нос» был выпущен на экраны в 1977 году, и главную роль там сыграл сам Ролан Быков. Когда фильм показывали по телевизору, Серёга прибежал домой и посадил перед экраном телевизора всех своих родных: маму, бабушку и двух братьев.

– Сейчас моего однокурсника показывать будут!

Благо фильм был хороший. Колю искали во всех персо-

нажах, даже в женских, но найти не смогли. И когда фильм подошёл к своему финалу, на экране появилось лицо Коли, которое произнесло:

– Вот такая история случилась в нашем городе...

Конец фильма. Но, справедливости ради, Коля действительно частенько ходил на съёмочные площадки, и не исключено, что ещё где-то что-то сыграл, но стеснялся в этом признаться. Более того, он и своих друзей-соседей по общежитию водил на съёмки.

Коля из Таллина всегда сочувственно относился к Серёгиной худобе и на предположения Серёги, что он может и пополнеть, загадочно произнёс:

– Нет. Не пополнееешь, у тебя такая конституция...

Прошло время, и оказалось, что в любую Конституцию можно вносить поправки, в том числе, видимо, и в конституцию Серёги.

Николай из Нарьян-Мара

Николай из Нарьян-Мара был на полтора года старше Серёги, то есть – авторитет. Тем более Нарьян-Мар – город столичный, центр Ненецкого автономного округа и вообще единственный город в этом округе. А то, что находится этот город за Северным полярным кругом (а значит, по мнению Серёги, там постоянно холодно), вызывало ещё больше уважения.

Серёга симпатизировал Николаю не только по причине более зрелого возраста и северной закалки, которую Николай, естественно, должен был получить за полярным кругом. Николай был наглым. По-хорошему, то есть не страдал комплексами при налаживании контактов. Назовём это коммуникабельностью. Серёга тоже был наглым, но не для первого шага. А у Николая был уникальный талант налаживать контакты с лёту с самыми знаменитыми и великими. Забегая немного вперёд, поведаю, как однажды на втором курсе Серёга с Николаем пошли через служебный вход в Академический театр им. Пушкина (ныне Александринский) и вызвали художественного руководителя. К их удивлению через пять минут вышел вечно улыбающийся Игорь Олегович Горбачёв, народный артист СССР, которого знала вся страна, а Серёга в ответ на вопрос Розы Сироты на консульта-

ции «Кто лучший исполнитель роли Хлестакова?» называл именно его имя. Серёга опешил, а Николай, как будто простился с Игорем Олеговичем только вчера, попросил мэтра, чтобы двух студентов с режиссёрского курса Института культуры допускали на репетиции новых спектаклей в «одном из лучших театров России» (почти дословная цитата Николая). Николай так растрогал Игоря Олеговича, что он тут же приказал незамедлительно выписать двум студентам пропуска в театр со служебного входа в любое время и предоставить график репетиций. «Конечно, дорогие мои! Посещайте, смотрите!» – чуть не обнял друзей народный артист. Кстати, при встрече с ними в театре он всегда обращался к ним именно так «дорогие мои».

Опекал юных наглецов и народный артист СССР Василий Васильевич Меркурьев – легенда советского кино. Николай вспоминает, как Василий Васильевич, заведя двух юных созданий, ласково брал их за плечи и своим хорошо узнаваемым голосом говорил: «Николя, Серёга! Пойдёмте в буфет! Там сегодня котлеты гатчинские!» Проходя по запутанным переходам театра с низкими сводчатыми потолками, под многочисленными лестницами, можно было встретить сидящего на красной бархатной скамейке Юрия Андреевича Толубеева, настоящую чёрную глыбу в костюме, который украшала золотая Звезда Героя социалистического труда. Он просто сидел и курил, а Василий Васильевич постоянно его подкалывал едкими замечаниями. В ответ на что невоз-

мутимый Юрий Андреевич непревзойдённым басом говорил: «Дурак ты, Вася...» Буфет Пушкинского театра, куда в первый раз привёл Николая и Серёгу Василий Васильевич, конечно, был одним из любимых мест наглых студентов.

Сейчас уже не выяснить, кто был инициатором этой смелой авантюры, но Николай и Серёга получили огромный заряд практического опыта, полезной информации и, что немаловажно, испытали величайшее удовольствие. Им удалось побывать на читке пьесы «Иванов» по А. Чехову, в которой участвовал сам Игорь Олегович Горбачёв, а также легенда и звезда театра им. А. С. Пушкина Галина Карелина в роли Анны Петровны. Ставил спектакль сорокалетний режиссёр Арсений Сагальчик. В театре он был чуть больше трёх лет, и чувствовалось, что он испытывает откровенную неловкость от присутствия в небольшом зале двух посторонних персонажей, но возразить Горбачёву он не решался. Два посторонних персонажа понимали неловкость Арсения Овсеевича. Мэтры и легенды, участвовавшие в читке, относились к молодому режиссёру, скажем мягко, несколько снисходительно, много отвлекались на посторонние разговоры, а когда режиссёр совершенно справедливо призывал их к работе, просто не замечали его призывов, а одна «легенда» даже очень некорректно высказывалась в его адрес. Потому Серёга с Николаем отсидели две читки «Иванова», поднакопили опыта театральных дразг и по приглашению Игоря Олеговича пошли на заключительные прогоны спектакля, где

он выступал режиссёром, «Пока бьётся сердце» – про благородную работу врачей. А после премьеры этого спектакля посещали генеральные репетиции нашумевшего спектакля «Аэропорт» (по роману А. Хейли), который ставил Александр Музиль.

Стоит ли говорить, что Серёга с Николаем были единственными студентами в группе, а может быть, и во всём институте, которые могли позволить себе присутствовать на читках, репетициях, прогонах в старейшем театре Ленинграда и обедать в актёрском буфете с известными артистами.

Для Серёги это были первые уроки наглого коммуницирования, даром коего Николай обладал в полной мере. Но у Николая было ещё несколько выдающихся способностей. Например, он обладал врождённым удивительным чувством юмора, хорошей памятью и, кроме того, имел уникальную способность подражать голосам известных (а их было немного) телевизионных ведущих, а также артистов. Неплохо у него получались и яркие институтские преподаватели. Серёга тоже любил подражать чужим голосам, получалось у него это значительно хуже, чем у Николая, что Николая подбадривало.

Николая и Серёгу объединяло то, что их очень любили на кафедре сценической речи, которой руководила величайший педагог Зинаида Васильевна Савкова, заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор. Позднее, когда Серёга в зрелом возрасте подрабатывал на ленинградском радио, он

узнал, что Зинаида Савкова была там легендой, её голос часто звучал в самых ответственных передачах Ленинградского радио, а многие дикторы и журналисты Ленинградского радио и телевидения считают её своим учителем. А ещё Зинаида Савкова была автором революционной методики постановки голоса, с успехом применяемой во многих странах мира, и автором множества книг по риторике и сценической речи.

Любила их и педагог непосредственно по сценической речи Эмма Александровна Петрова, но и Зинаида Савкова была наслышана о щуплом мальчике с явно не сочетающимся с фигурой красивым мужским громким баритоном и юноше, умеющем выговаривать самые непроезжие слова, типа названий исландских вулканов или фамилий монгольских президентов, их жён или африканских королей. Актёрами они были не ахти какими великими, а вот для эстрадной сцены, как и мечтал Серёга, очень даже годились.

С первых дней Серёга вместе с Николаем был активным участником капустников, приуроченных к тем или иным праздникам. Капустники – неотъемлемая часть обучения в творческом учебном заведении. Они позволяли вне учебной программы, без преподавателей, придумывать что-то очень смешное, чтобы самим себе показывать. Мужская часть готовила поздравления женской части на Восьмое марта, и, соответственно, наоборот – женская часть готовила поздравления к Двадцать третьему февраля. Серёга и Николай

входили в инициативную группу, где роли были распределены заранее: Витя-пианист играл, классно импровизируя, на пианино, Коля из Таллина кривлялся, Вадик пел, Николай пародировал всех подряд, а у Серёги основной задачей было сочинение текстов поздравлений. Напомним, что кое-какой опыт у него имелся, но так как самому придумать красивую оду или эпиграмму было сложно, то он либо пародировал какого-либо известного поэта – Есенина, Маяковского, Вознесенского, Рождественского, либо чуть менял тексты известных песен, что, в принципе, то же самое подражание, более или менее удачное. Напомню, что подготовка домашних праздников была главной его творческой семейной специализацией. Более того, в детстве Серёга до дыр изучил книгу известного советского пародиста Александра Архангельского, выучил наизусть почти все его пародии и частенько в поздравлениях менял только имена, выдавая это всё за своё.

Однажды на первом курсе Серёге поручили купить цветы для поздравления с праздником Восьмого марта женской половине однокурсников. Собрали деньги, выдали их Серёге и отправили на рынок. Это был первый случай, когда кто-то Серёгу посылал покупать цветы или когда он покупал цветы по собственной инициативе. Цветов в своей жизни Серёга видел достаточно, особенно много Первого сентября, в связи с профессией мамы, но совершенно не разбирался в них. Знал только названия: гладиолус, роза, мимоза и гвоздика. Потому на рынке розы показались слишком шипован-

ными, пафосных гладиолусов там не было, мимозы выглядели примитивными, а вот гвоздики подходили в самый раз. Тем более они были такие красивые, ярко-синие и голубые. Когда он, стараясь проскочить мимо любых девчонок, донёс до аудитории огромный букет синих гвоздик, его товарищей охватил шок, а затем они громко рассмеялись:

– Это же крашенные гвоздики для возложения на могилах!

Серёге было очень стыдно. Однокурсники в этот день оказались добрыми (видимо, в честь праздника) и не стали устраивать бедному мальчику экзекуцию. Снова собрали немного денег и послали в цветочный магазин (не на рынок) двух более сообразительных товарищей. Из синих крашенных гвоздик на полу выложили цифру восемь и обыграли эти «похороны» в представлении. После этого Серёге серьёзных покупок не доверяли.

Как и положено капустникам в творческих вузах, они были достаточно смелыми, так как предполагалось, что их, кроме самих студентов, никто не увидит. Была надежда и на то, что неожиданно зашедший педагог не станет писать доносы в соответствующие организации.

Так Серёга с Николаем из Нарьян-Мара и сотоварищами придумали на поздравление девушек с Восьмым марта мини-оперу «Преступление и наказание». Либретто было незамысловатым, и суть его состояла в разоблачении пороков капитализма. Его стоит привести целиком.

В первой сцене выходил мальчик, переодетый в девушку,

и красиво запевал оперным голосом: «Я – Соня. Проститутка! Капитализм меня сгубил!»

Хор подхватывал: «Долой неграмотность! Долой империализм! Долой пороки из нашего дома!»

Затем выходил ещё один студент: «Я – Мармеладов. Живу я в подвале. Капитализм меня сгубил!»

Хор подхватывал: «Долой неграмотность! Долой империализм! Долой пороки из нашего дома!»

Сквозь этот хор прорывался крик: «Мармеладов, берегись – лошадь едет! Мармеладов, берегись – лошадь едет!»

Ржание лошади, крики. Гаснет свет.

Следующей сценой была встреча Раскольникова и старухи-процентщицы. Она очень напоминала сцену из третьей части кинофильма «Операция Ы и другие приключения Шурика», где Шурик приходит к бабушке, чтобы посидеть с внуком. Раскольников тоже шёпотом на тот же мотив колыбельной пел те же слова:

– *Я вам денежку принёс за квартирку за февраль.*

– *Вот спасибо, хорошо, положите на комод!*

Затем Раскольников достаёт серебрянную папиросницу:

– *Вот вам папиросница, серебряная!*

– *Что-то вроде и не серебро.*

Музыкальный дуэт прерывается тем, что Раскольников тыкает старуху топориком.

В финале оперы почти все мужчины пели песню из репертуара ВИА «Пламя» – «Строим БАМ», – но с другими сло-

вами:

*И сквозь туманы,
И сквозь дожди
Соня с Родионом в ссылку пошли.
Трудное дело выпало нам:
Строить путь железный...
А короче – БАМ.*

Милая и очень смешная опера получилась.

Но совершенно неожиданно на предпоследнем курсе Серёгу с Николаем вызвали в комитет комсомола. Вместо того, чтобы высказать им заслуженное недовольство подрывом авторитета ведущей комсомольской стройки страны, им предложили написать текст пионерского приветствия (естественно, в стихах) для какого-то Пленума горкома (или обкома) комсомола. Пионерские приветствия и Серёга, и Николай, естественно, видели по телевизору, когда там показывали различные съезды. Задача им понравилась, и они, привлекая к работе и своих друзей-однокурсников, справились с ней в достаточно короткие сроки. Приводить текст целиком нет никакого смысла, но, чтобы понять тональность написанного, достаточно одного четверостишия:

*Под ветра шум,
Под шум балтийский,
Счищая снег,*

*Ломая ветки,
Идёт к нам год —
Год спорта Олимпийский,
Последний год
Десятой пятилетки!*

Почему-то пионеры не стали читать это замечательное стихотворение с трибуны какого-то комсомольского пленума.

Алексей из Бриндакита

Думаю, теперь понятно, почему Серёге настолько необходимо было общение с ровесниками. Любой старший товарищ так или иначе давил авторитетом, а мечта самому стать для кого-то авторитетом Серёгу не оставляла.

Мальчиков-ровесников было всего трое. Два земляка-ленинградца и один мальчик якут. То есть русский парень, приехавший из Республики Якутия. Ленинградцы были слишком умные: один – потому что еврей, а второй – потому что явно был в школе отличником, не курил, во дворах не пил, в тусовках не участвовал, общежитие не посещал. А вот Лёха – парень из посёлка в Усть-Майском районе Республики Якутия – сразу привлёк внимание Серёги.

Алексею можно было рассказывать всё что угодно. Он впервые был в большом городе и не переставал удивляться тому, что в домах бывают кабины для подъёма людей наверх, а в метро – по лестнице не надо ходить, так как она сама едет. Что ещё требовалось Серёге? Правильно – признание. Здесь его было достаточно, даже более чем. Они ходили с Алексеем по Ленинграду, и Серёга без усталости заливал про свою городскую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.